

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82

А. В. Ляхович

**«ЭТА НАША ЖИЗНЬ...»:
ТВОРЧЕСКИЙ ПОИСК ШУ'АИБУ МАКАРФИ***

Книга «Zamanin nan namu» [1], «Эта наша жизнь», принадлежит перу патриарха хаусазычной драматургии Шу'аibu Макарфи [2]. Книга была впервые опубликована в 1959 г., в то время, когда литература в современном смысле этого слова только зарождалась на Севере Нигерии. Большая часть появившихся в этот период произведений в лучшем случае обладала слабой художественной ценностью. Содержание и форму литературного процесса обуславливало совместное авторство англичан и хауса. Многие хаусанские авторы старательно воспроизводили заимствуемые ими сюжеты, литературные приемы, которые им разъясняли их соавторы-англичане. Немалую роль в этом процессе сыграла установка на подражательность, имевшая глубокие корни в литературной традиции хауса, сложившейся еще в доколониальное время. Элементы европейской литературы периодически появлялись в хаусазычных произведениях, оставаясь, тем не менее, за пределами понимания хаусанского литератора.

Творчество Шу'аibu Макарфи до сих пор привлекает к себе внимание и читательской аудитории, и критиков своей самобытностью и особой манерой письма. Одна из основных причин успеха Макарфи заключается в том, что его творческая карьера состоялась отнюдь не в литературной сфере. На протяжении многих лет Макарфи работал на радио: он вел программу передач, посвященную различным аспектам жизни обычных людей. Работа дала ему немалый опыт: необходимо было каждый раз придумывать новую тему, сюжет, персонажей, диалоги. Однако для того чтобы удерживать внимание и любовь слушателей так долго, как это удалось Макарфи, нужно было об-

---

Ляхович Анастасия Викторовна — канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: anastasia_07007@mail.ru

* Данное исследование выполнено по проектам 2.38.44.2011 «Сравнительные исследования парадигм художественно-литературных доминант стран Азии и Африки (диахронический аспект)» под руководством А. В. Образцова и 2.38.524.2013 «Языки народов Африки южнее Сахары: от структурного морфо-синтаксического анализа к функциональному синтезу парадигматических элементов языковой картины мира» под руководством А. Ю. Желтова.

© А. В. Ляхович, 2013

ладать не только литературным дарованием, но и умением создавать правдивые, жизненные истории, очень хорошо знать и тонко чувствовать свою аудиторию. Шу'аibu Макарфи это удалось: его передачи были злободневными и облеченными в назидательно-просветительскую форму, столь понятную и привычную хауса, прекрасно вписывавшуюся в каноны традиционной религиозной литературы.

Из огромного числа сценариев, как признается сам автор, было опубликовано лишь несколько. Очевидно, что опубликованные тексты почти не получили литературной обработки. Две пьесы Макарфи, имевшие похожее содержание, были объединены в книгу «Эта наша жизнь». Книга имеет следующую структуру:

Титульный лист

Заглавие первой пьесы

Список действующих лиц (masu wasa)

Предисловие (bayani)

5 сцен (fitowa ta d'aya — ta biyar)

Заглавие второй пьесы,

Список действующих лиц

6 сцен (fitowa ta d'aya — ta shida)

Часть вторая (rabo na biyu), сцена 8–14 (fitowa ta takwas ta 14).

Структура как всей книги, так и отдельных пьес не отличается стройностью, например, предисловие ко всей книге следует после заголовка первой пьесы, неизвестна судьба сцены 7 второй пьесы, непонятно появление термина «часть», особенно в сочетании с порядковым числительным «вторая» (при отсутствии первой части).

Основная идея книги заявлена автором в предисловии и заключаются в следующем: дети не должны заниматься мелкой торговлей, поскольку так они выходят из-под контроля родителей и часто учатся дурному, их место в школе. В книге показаны разные родители, их отношение к детям и представления о воспитании.

Рассмотрим особенности творчества Шу'аibu Макарфи на примере первой пьесы. Произведение носит название «Малам Майдала'илу», по имени главного героя.

Первая сцена. Достопочтенный малам Майдала'илу в окружении своих друзей, столь же почтенных, как и он. Небольшая предыстория перед началом повествования имеет целью представить главного персонажа и описать вкратце его любовь к дочери, которой он стремится дать самое лучшее воспитание.

Сцену открывает реплика рассказчика (mai shela). Нужно отметить, что фигура рассказчика является отличительной чертой произведений Шу'аibu Макарфи. Рассказчик обладает большой степенью свободы, ведь по сути его голосом говорит сам автор: он излагает ход истории, комментирует поведение персонажей, подводит итог сказанному, обращает внимание аудитории на самые главные идеи пьесы, наставляет и просвещает слушателей в затронутых темах. Рассказчик, который ведет активный диалог с аудиторией, иногда обращается к ней с вопросами: «А теперь, люди, кого вы признаете виноватым? Я сам ничего говорить не стану, тем более высказывать свое мнение, но вы сами можете судить. Пойдет ли он на то, чтобы дочь слушалась мать, или же она, мать, уступит и согласится с тем, что говорит ей муж?» [3, p. 16].

Итак, именно рассказчик представляет нам действие первой сцены, которое разворачивается в доме достойного малама Майдала'илу, доме, который уже давно стал местом встречи почтенных, уважаемых людей квартала. «Послушаем же мы старших, может, обогатимся их советами» [3, p. 3].

Разговор, описываемый в первой и второй сценах, имеет большое значение в сюжете повествования. Он служит завязкой пьесы, поскольку именно здесь малам Майдала'илу приходит к мысли о необходимости послать дочь учиться в школу. По своей форме рассматриваемый фрагмент сложно назвать в полном смысле слова «разговором», поскольку герои высказывают в весьма пространной форме свои суждения относительно современной молодежи, нравов, роли родителей в воспитании. Один из них с восторгом говорит о новых исламских школах, которые открылись по всей стране, и о том, что эти школы прививают детям хорошие привычки, дают должное воспитание. На уроках дети также получают глубокие познания по религии, арабскому языку. «Сказать по правде, то, что знает она, — говорит малам Бала о своей дочери, — я не знаю... она учит своих родителей аяту “аль-Курси” и суре “Фатиха”... Но больше всего мне нравится, как она ломает язык. То, как она говорит по-арабски, когда читает...» [3, р. 7].

Следующая часть сюжета по своей форме отходит от пространного высказывания мнений и приобретает уже диалогическое звучание. Малам Майдала'илу говорит жене о своем решении отдать дочь в школу. Женщина протестует, однако мужу удается настоять на своем, и он поручает жене лично проследить за тем, чтобы наутро девочка отправилась в школу.

Четвертая часть, кульминация пьесы, является самой длинной.

Малам Майдала'илу на следующий день лично решает отправиться в школу, чтобы проверить, выполнена ли его воля. И оказывается, что девочки в школе нет. Герой возвращается в дом, обнаруживает, что и там ее нет, потом он снова обыскивает дом, но безрезультатно. В этом месте сюжет приобретает комический оттенок, который усиливается в последующей части произведения, где описана ссора между маламом Майдала'илу и его женой. Пропавший ребенок обнаруживается случайно: рассерженный отец встречает девочку на улице, где та занимается мелкой торговлей. Выясняется, что мать все сделала по-своему: отправила дочь торговать и наказала ей в ответ на все вопросы отвечать, что была в школе.

Далее следует сцена ссоры между мужем и женой, которые нападают друг на друга с упреками и оскорблениями. Малам Майдала'илу набрасывается на женщину с кулаками и выгоняет ее из дома.

Друзья героя, обеспокоенные его отсутствием, приходят к нему как раз после описанных событий. Они начинают наставлять его и успокаивать, и в результате малам Майдала'илу решает вернуть жену. Друзья дают ему другой хороший совет: все возникшие проблемы связаны с тем, что люди еще не привыкли к школам, а потому дети неохотно идут туда, а родители противятся идее отправлять своих детей учиться. Чтобы решить свои проблемы раз и навсегда маламу Майдала'илу следует самому отвести дочь в школу.

Последняя сцена разворачивается в доме жены героя. Женщину отчитывает отец за непослушание мужу и за обман. В конце концов женщина благополучно возвращается к мужу. Последние строки пьесы рассказывают о том, что дочь малама Майдала'илу благополучно окончила школу, получив превосходное воспитание и ценные знания, затем вышла замуж и стала достойной женщиной.

Анализируя пьесу, нельзя не отметить ряд клишированных ситуаций и сюжетных ходов, использованных автором. Широко распространена в хаусаязычной драматургии, к примеру, тема супружеских взаимоотношений, поэтому часто кульмина-

цией является сцена ссоры между мужем и женой, закономерным следствием которой становится уход жены из дома. Примирение мужа и жены, участие в этом друзей мужа также можно встретить и в других хаусанских пьесах, например, в пьесе «Циновка стыда (Табармар кунья)» А. Дангогго. Одинаковым образом рассматривается и у Шу'аibu Макарфи, и у Адаму Дангогго тема дружбы: достойный человек должен уметь окружить себя достойными и мудрыми друзьями, которые будут оказывать на него только хорошее влияние. По своим художественным особенностям и задачам пьеса Макарфи относится к просветительским сочинениям, которые были столь популярны в этот исторический период. Назидательный характер, присущий рассматриваемому произведению, однако, выражен в ином ключе, нежели в комедии «Циновка стыда» Дангогго. «Циновка стыда» написана в стиле анекдотических историй, популярном у хауса фольклорном жанре. Шу'аibu Макарфи в своем творчестве использует другой источник назидания — традиционную религиозную литературу. Стиль религиозных сочинений имеет диалогический характер: рассказчик разъясняет аудитории важные религиозно-этические нормы и ценности. Потому речь его пространна, сложна для восприятия, одни и те же идеи постоянно повторяются в разной форме. Комедия Дангогго очень динамична: короткие сцены, короткие реплики. У Макарфи, наоборот, многие реплики выполнены в форме длинных риторических монологов, автор делает акцент не на событийной составляющей, а на содержательной. Фигура рассказчика, как мы уже отмечали, является ключевой для реализации замысла писателя.

По своему содержанию пьеса «Малам Майдала'илу» Шу'аibu Макарфи может считаться типичным явлением в ранней хаусаязычной литературе. В то же время нельзя не отметить оригинальность творческих решений автора, его новаторство, состоящее в попытке применить каноны традиционной религиозной литературы к новым формам массовой коммуникации, а также обращение к актуальным для своей эпохи социальным проблемам. Произведения Шу'аibu Макарфи — это не только редкий для ранней хаусаязычной литературы пример оригинального авторского творчества, но и ценный источник, дающий представление о жизни северонигерийского общества середины XX в.

Анализируя творчество хаусанских писателей, нельзя не отметить тот факт, что нам сравнительно мало известно о них: об их жизни, причинах, побудивших к творчеству, о том содержании, которое они вкладывают в свои произведения. Тем не менее литературная жизнь северонигерийского общества оказывается предметом живого обсуждения и критики. Мы имеем возможность наблюдать своеобразный диалог между Читателем и Писателем; этот диалог затрагивает самые разные сферы социальной коммуникации: газеты, журналы, интернет. О творчестве Шу'аibu Макарфи также было бы мало что известно, если бы не интервью с писателем, опубликованное на сайте И. Шеме [2]. Приведем наиболее важные, на наш взгляд, для понимания творчества писателя, фрагменты интервью:

Что вдохновило Вас писать?..

В первую очередь меня задевало то, в какой степени вырождается хаусанская культура. Все мои пьесы рассказывают о городе, поскольку они — побочный продукт города. Взгляните на мой офис... Рядом с ним находится «Рекс синема», и у меня сложилась привычка после работы наблюдать за тем, кто пришел в кино, и тому подобным. Я ув-

леченно наблюдал, как хауса одеваются в городе, как строят отношения друг с другом, с противоположным полом, с властью и т. д.; и во всем этом я видел упадок хаусанской культуры, той культуры, которой я чрезмерно дорожу.

Я вспоминаю, как делали раньше. Например, каждый год, собрав урожай, наш отец посылал нас раздать тюки с зерном семьям малама, цирюльника, кузнеца и др., еще до того, как мы привозили свою часть домой. Ну а сейчас такие сплоченные общинные взаимоотношения ушли в прошлое, уступив место эгоизму. И я, будучи тем, кто я есть, питал отвращение к тем изменениям, которые разрушают мой мир, хаусанскую культуру. Я никогда не учился для того, чтобы стать писателем. Я никогда не читал арабских или европейских авторов; мое творчество было прямой критикой омерзительных социальных явлений...

Почему Вы выбрали драматургию из всех форм литературы?

И вновь два фактора сыграли решающую роль. Вы помните, что я никогда не садился за написание книги или пьесы. Я лишь писал сценарии к радиопередачам для той аудитории, которая ждала их. Тема должна была быть актуальной, значимой и каким-то образом предполагающей серьезное размышление или изображающей жизнь тех, кто слушал передачи. В то время — старое, доброе время — прослушивание радио было само по себе большим делом. Люди, бывало, собирались вокруг приемника, чтобы послушать, в то время маленькие радиоприемники можно было встретить нечасто... Моей задачей было непосредственно взаимодействовать с аудиторией. Я выбрал пьесы, поскольку любил драматизировать, раскрывать и разоблачать пороки. А используя персонажей, я мог выразить и воплотить эти пороки посредством разыгрывания ролей. Кроме того, пьесы — более волнующи в том, что касается подражания и притворства. Таким образом, я выбрал пьесы, поскольку работал на радио с жаждущей аудиторией. Каждая неделя была для меня испытанием, так как я должен был импровизировать и искать материал, персонажей, истории.

Правда ли то, что... Вы говорите о социальных проблемах, не предлагая никаких решений?

В некотором отношении это действительно так. Это правда. Видите ли, писать сценарии для радиопередач каждую неделю — это сложная и ответственная задача. Ты должен быть быстрым, гибким и инициативным. Твоя аудитория не оценит повторения. Она всегда с нетерпением ждет новую пьесу... Например, была одна пьеса... острая по своей проблематике, она стала эпизодической. Я, соответственно, написал о том, что происходило в реальности, а именно о порочности.

Обман на работе. Дома. Где бы то ни было. Всегда сатирически и злободневно, поскольку моя цель — встряхнуть людей, заставить их прозреть и повергнуть в шок — все для того, чтобы они изменились к лучшему. Так что упрек вполне заслуженный. Я никогда не считал своим долгом предлагать решения. Видите ли, даже когда я писал эти сценарии для радиопередач, я видел себя учителем — профессия, перед которой я так преклонялся, но на что у меня никогда не хватало времени. Так что я скорее пробуждаю совесть людей, заставляю их увидеть, учу и поучаю, нежели решаю всю проблему.

Вы когда-либо заимствовали, адаптировали, копировали, как Абубакар Имам, что-либо из европейской или арабской литературы / драматургии?

Нет. В отличие от Абубакара Имама я по большей части опирался на то, что происходило вокруг меня. Очень часто я черпал вдохновение в фольклорной традиции, чтобы расставить какие-то акценты. К примеру, в моих радиопостановках и пьесах широко используются поговорки, загадки, шутки и т. п. [2]

Литература

1. *Makarfi Sh.* Zamanin nan namu. Amana Printing&Advert. Ltd, 2007. 88 p.
2. *Sheme I.* Shu'aibu Makarfi — Grandfather of Hausa Drama. 10.01.2008. URL: <http://ibrahim-sheme.blogspot.com/2008/01/shuaibu-makarfi-grandfather-of-hausa.html> (дата обращения: 01.09.2012).
3. *Makarfi Sh.* Malam Maidala'ilu // Zamanin nan namu. Amana Printing & Advert. Ltd, 2007. P. 1–25.

Статья поступила в редакцию 11 сентября 2012 г.